

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. А. БУДАГОВ

ЧТО ОЗНАЧАЕТ СЛОВСОЧЕТАНИЕ
СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА?

1

В советской лингвистике последних пятнадцати лет появились теперь уже ставшие довольно распространенными среди некоторой части специалистов словосочетания *современная лингвистика*, *современное языкознание*. Стали выходить даже книги, на обложке которых фигурирует одно из этих двух словосочетаний¹. Между тем, что означают подобного рода словосочетания? Как следует понимать прилагательное *современный* в таких соединениях слов? Я сейчас попытаюсь показать: *современный* выступает здесь не только и даже не столько во временном значении («относящийся к настоящему времени»), сколько прежде всего в переносно-оценочном значении («стоящий на уровне нашего времени, передовой, хороший»). В аналогичном осмыслении прилагательное *современный* оказывается в словосочетаниях типа *современная техника*, *современная фабрика*, *современный уровень производства* и т. д.

Получается, будто бы существует *современная лингвистика*, т. е. передовая, хорошая, и лингвистика *несовременная*, традиционная и, по-видимому, плохая. Иногда даже независимо от желания отдельных специалистов, прибегающих к словосочетанию *современная лингвистика*, возникает именно такое противопоставление. Оно складывается, во-первых, потому, что «все познается в сравнении», и, во-вторых, положительно-оценочная семантика прилагательного *современный* как бы сама вызывает противопоставление: *современная наука* (на высоком уровне нашего века) — *несовременная наука* (не на уровне нашего века). Если же учесть, что *современная лингвистика* чаще всего противопоставляется традиционной (классической) лингвистике, то станет очевидным, что первое словосочетание выступает в весьма положительном значении, а второе — в значении отрицательном.

Здесь сейчас же возникает множество проблем и вопросов. Обратим внимание на некоторые из них.

Во-первых, с какого времени начинается «современная лингвистика»? Этот вопрос приобретает особую важность, если прилагательное *современ-*

¹ См. например: Ю. С. Степанов, *Методы и принципы современной лингвистики*, М., 1975. Редакция журнала «Известия АН СССР. Серия литературы и языка» (1975, 1), публикуя одну из статей И. И. Ревзина (посмертно), сообщает своим читателям, что этот автор «...много и плодотворно работал в самых разных областях современного языкознания...» (стр. 16, курсив везде мой. — Р. Б.). Подобные примеры легко умножить. В дальнейшем изложении *современная лингвистика* и *современное языкознание* я употребляю как абсолютные синонимы.

мый толковать в его временном значении («относящийся к настоящему времени»). Во-вторых, — и это еще существеннее — как можно говорить о «современной лингвистике» в каком-то обобщенном смысле, если лингвистика наших дней характеризуется острым столкновением различных теоретических концепций, обычно исключают друг друга. В подтверждение этого последнего тезиса можно привести десятки примеров. Я пока ограничусь одним, самым простым примером.

Известно, что некоторые лингвисты наших дней считают главой «современной лингвистики» американского ученого Н. Хомского. Создаются даже целые книги на эту тему². Не менее многочисленная группа ученых в разных странах придерживается диаметрально противоположного взгляда, подчеркивая, что Хомский — вовсе не лингвист, что он весьма далек от науки о языке, искажает самый объект ее изучения, схематизирует явления и категории, не поддающиеся подобной схематизации и т. д. Возникает вопрос: как на таком фоне следует оценивать *современность* или *несовременность* Н. Хомского? Нельзя забывать при этом и диапазона оценок работ Н. Хомского: от эпитета «новаторские» до эпитета «шарлатанские»³.

Я сейчас не занимаюсь оценкой лингвистических суждений Н. Хомского. Здесь меня интересует другое: можно ли употреблять прилагательное *современный* в его оценочно-положительном значении («стоящий на уровне нашего времени»), если лингвистика наших дней представлена явно несходными концепциями языка, часто исключают друг друга? Я убежден, что так поступать нельзя.

Быть может, однако, правы те ученые, которые употребляют *современный* лишь в его временном значении? Возникают новые трудности.

Уже в 1869 г. немецкий эрудит Т. Бенфей в своей «Истории языкознания и восточной филологии в Германии» писал о том, что с начала XIX столетия в Германии начинается история нового языкознания (Geschichte der neueren Sprachwissenschaft), по отношению к которой все предшествующие этапы научных разысканий в этой области представлялись автору старыми, несовременными. Бенфей был убежден, что *новое* и *современное* — это начало прошлого века, *несовременное* — все то, что предшествовало работам Ф. Боппа. Открытие сравнительно-исторического метода — вот рубеж, разделяющий *современное* (новое) и *несовременное* языкознание⁴. И так думали многие выдающиеся ученые на протяжении всего прошлого столетия. Так считал, в частности, и Б. Дельбрюк в своем широко известном очерке «Введение в изучение языка (из истории и методологии сравнительного языкознания)», впервые опубликованном в 1880 г.⁵

В этом отношении представляют бесспорный интерес взгляды отдельных выдающихся лингвистов разных эпох. Ученому такого масштаба, как В. Гумбольдт, казалось, что эпоха нового или *современного* языко-

² См., например: F. H i o r t h, Noam Chomsky, Linguistics and philosophy, Oslo, 1974.

³ См., например: H. A a r s l e f f, The history of linguistics and professor Chomsky, «Language», 46, 1967, стр. 570—585; S. L a n d, The Cartesian language test and professor Chomsky, «Linguistics. An international review», 122, 1974, стр. 11—24; A. J o l y, Cartésianisme et linguistique cartésienne: mythe ou réalité? «Beiträge zur romanischen Philologie», Berlin, 1972, 1, стр. 86—94; Т. P a k, Contradictions in chomskian semantics, «Studia linguistica», Lund, XXVIII, 1974 (в моей библиографии уже имеется двадцать работ самых различных авторов из разных стран с принципиальной критикой концепции Н. Хомского).

⁴ T h. B e n f e y, Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalische Philologie in Deutschland, München, 1869 (см. оглавление этой книги).

⁵ Русский перевод этого исследования был позднее включен в виде «Вступления» в кн.: С. К. Б у д а г о в, Очерк истории языкознания в России, I, СПб., 1904, особенно стр. 146—148.

знания начинается тогда, когда лингвист получает возможность философски осмыслить строй того или иного языка, в особенности языка малоисследованного. В поисках этого *современного языкознания* Гумбольдт переходил от изучения санскрита к языкам баскскому, китайскому, к кавязыку на острове Яве⁶. Гумбольдт иначе понимал *современное языкознание*, чем его современник Ф. Бопп, хотя у обоих исследователей прилагательное «современный» ассоциировалось с представлением о передовой науке. Вместе с тем «передовое» ученые истолковали различно: для Боппа «передовое» — это основательное знание фактов, для Гумбольдта «передовое» — это прежде всего философское осмысление фактов.

Уже эти примеры показывают, что разграничение понятий «современная наука — несовременная наука» в гуманитарных областях человеческого знания оказывается гораздо сложнее, чем в области математики или физики. Физик может назвать, например, квантовую физику «современной областью знания» и в какой-то степени противопоставить ее сфере классической физики (известная преемственность и здесь, разумеется, сохраняется). Языковеду сходное разграничение провести гораздо труднее. Здесь необходимо считаться со спецификой каждой науки. Различия обнаруживаются даже в пределах родственных сфер знания. Как показал академик В. А. Амбарцумян, в астрономии, например, н а б л ю д е н и е играет более значительную роль, чем в физике, где в свою очередь э к с п е р и м е н т приобретает большее значение, чем в астрономии. «Астрофизические исследования в большинстве случаев распадаются на три стадии: 1) наблюдение; 2) интерпретация явления — выяснение того, что именно происходит в наблюдаемом объекте; 3) построение полной теории явления, включающей объяснение его причин»⁷.

Истолкование степени *современности* тех или иных знаний имеет и другой аспект. Первые две части «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни вышли в 1874 г., т. е. свыше ста лет тому назад. Однако эта книга сохраняет всю свою актуальность, всю свою *современность* и в наши дни. Едва ли целесообразно заниматься современными проблемами синтаксиса любого языка, не зная и не учитывая исследования Потебни. Больше того. Такие, казалось бы, остро современные проблемы синтаксиса, как актуальное членение предложения, взаимодействие слова и предложения, предложения и контекста, грамматического и лексического — все эти проблемы, как и многие другие, не только поставлены, но и глубоко освещены в проникновенном исследовании Потебни. То же можно сказать, например, и об «Основах фонологии» Н. С. Трубецкого, хотя и эту книгу отделяет от нашей современности период уже в несколько десятилетий (ее первое издание — 1939 г.), между тем все острее проблемы фонологии наших дней поставлены и широко освещены именно в этой книге Трубецкого. Современное осмысление фонологии едва ли возможно без опоры на размышления Трубецкого. Даже в тех случаях, когда фонолог наших дней в чем-то не согласится с автором «Основ», он обязан отлично знать эту книгу в процессе размышления о самых современных, самых актуальных проблемах фонологии.

Разумеется, новая концепция может иметь чисто теоретический характер. Но не следует забывать, что новая концепция часто вырастает из нового осмысления старых фактов, казалось бы уже хорошо известных в науке.

⁶ Р. Г а й м, Вильгельм фон Гумбольдт, Описание его жизни и характеристика, М., 1898, стр. 359—368; О. С. Т е с е л к и н, Древнеяванский язык (кави), М., 1963, стр. 13—14.

⁷ В. А. А м б а р ц у м я н, Философские вопросы науки о Вселенной, Ереван, 1973, стр. 116.

Приведу здесь два примера. До самого последнего времени лингвисты-романисты считали, что романские языки возникли не из классической, а из так называемой вульгарной или народной латыни (лат. *vulgaris*, как и франк. *vulgaire*, — весьма многозначны). Под условным термином «вульгарная латынь» разумеалась более поздняя (сравнительно с языком эпохи Цезаря и Цицерона) латынь, грамматически и лексически ближе «расположенная» к будущим языкам романской группы. «Вульгарная латынь» — язык грамматически уже во многом аналитический, как и грамматический строй большинства романских языков. Все это казалось «раз и навсегда» установленным. Но отдельным ученым и раньше представлялось, что проблема сложнее. И вот в самое последнее время лингвисты-романисты стали возвращаться к старой концепции, согласно которой главным источником романских языков является не «вульгарная», а классическая латынь, располагающая огромным числом памятников самого различного характера. В этом плане преимуществва классической латыни таковы: 1) она древнее латыни «вульгарной», 2) она целостна в своем грамматическом строе, 3) она великолепно документирована, тогда как от латыни «вульгарной» сохранились лишь «рожки да ножки»⁸.

Дело не только в том, что новая постановка вопроса «переворачивает» соотношение между классической и вульгарной латынью. Новое опирается здесь на старое, но уже иначе осмысленное. Представление же о вульгарной латыни как об основном источнике романских языков зародилось в Европе в начале прошлого столетия, в эпоху романтизма с его культом «народного начала» в языке, литературе, искусстве. Но это было одностороннее понимание «народного». В нашу эпоху стало очевидным, что народ участвует и в создании письменности: участвует, если не прямо, то косвенно. Уровень культуры любой эпохи — это результат усилий не только отдельных личностей, но и народа, представителями которого выступают выдающиеся писатели, ученые, общественные деятели. В таком ракурсе классическая латынь с ее богатейшими памятниками предстает уже в другом виде сравнительно с эпохой, когда зародилась, теперь уже ошибочная, теория антидемократического характера классической латыни.

В подобных случаях *современность* или *несовременность* теории находится в прямой зависимости от того или иного истолкования и осмысления уже известных в науке фактов. Вместе с тем было бы несправедливо считать, что всякие попытки развивать теорию, согласно которой все же «вульгарная латынь» является источником романских языков, в наше время являются уже несовременными. Весь вопрос в том, насколько серьезны и основательны данные (факты, материалы, источники), на которые опираются как более старая, так и более новая теория.

Сравнительно не так давно еще спорили, какой язык «попал» в Южную Америку в период ее испанской колонизации — предклассический (до XVI столетия), классический или постклассический. Но вот А. Алонсо показал, что вопрос долгое время ставился неточно. Все три только что названные термина (предклассический, классический и постклассический) относятся к языку художественной литературы, в Южную же Америку проникала прежде всего общенародная и разговорная речь испанцев на рубеже XVI столетия и в более позднее время⁹. Здесь «звучащая речь»

⁸ W. Mañ z a k, La langue romane commune: latin vulgaire ou latin classique?, «Revue romane», Copenhague, 1974, 2 (здесь же дана история вопроса).

⁹ A. Alonso, Estudios lingüísticos. Temas hispanoamericanos, Madrid, 1953, стр. 11.

самых носителей языка приобретала большее значение, чем речь записанная, «обработанная» выдающимися писателями. И несмотря на несомненную зависимость «обработанной» речи от общенародного языка, из которого она сама вырастает, в этой ситуации соотношение оказывалось несколько иным, чем в эпоху зарождения романских языков: в последнем случае «обработанный» литературный язык нам известен не только гораздо лучше. Он и «дошел» до нас от более старых времен, чем язык необработанный.

Современность или *несовременность* концепции, ее приемлемость или неприемлемость оказываются в прямой зависимости от определенного осмысления фактов, которыми располагает наука.

Возникновение отдельных славянских языков одни лингвисты до сих пор относят к III—IV векам нашей эры, другие — к VI—VII столетиям, имеются, наконец, ученые, которые называют лишь X—XI века эпохой формирования отдельных славянских языков. Разумеется, *современность* концепции тех или иных филологов будет определяться тем, насколько серьезно обоснована их доктрина фактами, насколько прочно она опирается на подобные факты¹⁰

2.

Всякая наука обязана считаться с фактами, которые составляют объект ее изучения. Это общее положение целиком относится и к лингвистике. Между тем за последние пятнадцать-двадцать лет в отдельных направлениях науки о языке можно обнаружить нежелание считаться с фактами, попытки строить теорию как бы вопреки фактам. Так, например, многозначность слова, широкая лексическая, синтаксическая и стилистическая синонимика — характернейшие особенности любого современного языка, особенно языка с богатой литературно-письменной традицией. В отдельных же направлениях языкознания наших дней эти органические, в высшей степени типичные свойства языка объявляются признаками, для него нехарактерными. Теория языка начинает сооружаться так, будто бы все слова однозначны и не имеют никаких синонимов¹¹. Авторы подобных утверждений стремятся «упростить язык» для облегчения процедуры его формализации. Но «упрощенная теория» вслед за «упрощенным языком» оказываются мертворожденными и поэтому, разумеется, несовременными. *Современность* не может и не имеет никакого права ассоциироваться с необъективностью, с искажением объекта, подлежащего всестороннему и глубокому изучению.

Хорошо известно, что люди нашего времени легко различают такие категории, как *материальное* и *идеальное*. Но так было не всегда. Человек средних веков «...был склонен к смешению духовного и физического планов и проявлял тенденцию толковать идеальное как материальное»¹². Все это находило выражение и в словаре той эпохи. Латинское *honor* означало и «честь», и «ленное владение», *gratia* — и «милость» («любовь»), и

¹⁰ Ф. П. Ф и л и н, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972; с г о ж е, Образование языка восточных славян, М.—Л., 1962.

¹¹ См., например: А. А. В е т р о в, Методологические проблемы современной лингвистики, М., 1973, стр. 39. «Если слово имеет несколько значений, то для теории класса удобнее (? — Р. Б.) считать каждое такое значение отдельным словом, т. е. омонимизировать эти значения» (А. А. Х о л о д о в и ч, Опыт теории подклассов слов, ВЯ, 1960, 1, стр. 32—33).

¹² А. Я. Г у р е в и ч, Категории средневековой культуры, М., 1972, стр. 264—265. См. также материалы в кн.: С h. L a n g l o i s, La vie en France au moyen âge, Paris, 1908, стр. 342—353.

«подарок», *beneficium* — и «благоденствие», и «феодалное пожалование». Известны попытки того времени связать *homo* «человек» с *humus* «земля». Возникает вопрос: осмысливая теорию литературных языков в средние века, обязан ли лингвист считаться с несомненными фактами подобного рода? Разумеется, обязан. Теория и в этом случае как бы вырастает из фактов. Она не имеет права не считаться с ними.

Очень часто утверждают, что современная лингвистическая теория — это теория, оперирующая математическими формулами и математическими знаками. Разумеется, и то и другое может быть полезным в известных случаях. Но здесь нельзя не напомнить слов одного из крупнейших физиков нашей эпохи, почетного академика АН СССР Макса Борна: «Любая книга по физике, химии, астрономии потрясает специалиста обилием математических и иных символов... Но разве в этом обилии формул найдешь живую природу? Неужели эти физические и химические символы связаны с испытанной на опыте реальностью чувственных восприятий?»¹³. Применительно к лингвистике об этом же писал еще в 1911 г. акад. Л. В. Щерба: «...опыт показывает, что всякие таблицы и схемы расплываются по всем швам, как только попробовали вставить в них факты живой действительности»¹⁴. Еще в прошлом веке в своей книге «Диалектика природы» Ф. Энгельс проникновенно писал: «Мы, несомненно, „сведем“ когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?»¹⁵.

«...математические понятия, — читаем в совсем недавно опубликованной работе, — и философские категории играют принципиально разную роль в научном познании... Математические понятия охватывают количественно-формальные характеристики исследуемых объектов, являются лишь вспомогательным инструментом исследования... Если применение математических приемов... не основывается на марксистско-ленинском содержательном анализе исследуемых явлений, то оно способно привести к ошибкам и заблуждениям, к псевдонаучному жонглированию модными математическими понятиями и методами»¹⁶.

Сказанное, разумеется, не означает, что всякие формулы, схемы и символы вообще противопоказаны лингвистике. Я хочу только подчеркнуть, что понятие *современная лингвистика* нельзя отождествлять с подобными внешними атрибутами и изложения. Существуют многочисленные современные исследования языка, вовсе лишённые подобных признаков изложения. Справедливо и противоположное заключение: во многих публикациях наших дней, буквально заполненных формулами, схемами и символами, трудно обнаружить новые идеи — истинный признак современности исследования. Передко с помощью математических знаков передается то, что уже давно и хорошо известно в науке.

На мой взгляд, подлинным признаком современности лингвистического анализа является категория значения, точнее то, как истолковывается категория значения в конкретном исследовании. Если ученый вовсе отка-

¹³ М. Борн. Моя жизнь и взгляды, М., 1973, стр. 109. Аналогичные мысли неоднократно выражал и один из создателей кибернетики — Норберт Винер. См. его блестящую книгу «Я — математик», М., 1964, стр. 44, 274, 347 и др. (необходимо предостеречь, — пишет Винер, — от переоценки возможностей применения математики к изучению других наук, стр. 275).

¹⁴ Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974, стр. 246.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., 20, стр. 563.

¹⁶ В. Готт. А. Урсул. Общонаучные понятия и их роль в познании, «Коммунист», 1974, 9, стр. 77 (разрядка моя. — Р. Б.).

зывается от этой центральной для лингвистики категории, то его работа не может быть современной. На мой взгляд, недопустимо пытаться категорию значения с помощью неопределенного и неясного понятия *значимости* (сосюрвовское *valeur*). Но и признание категории значения еще не выявляет методологических позиций лингвиста, если учесть, что многие ученые наших дней, либо 1) совершенно неправомерно отождествляют категорию значения и категорию отношения (между тем это совсем разные категории), либо 2) не усматривают в категории значения отражения признаков предметов или явлений, которые именуется с помощью слов (лексическая категория значения), либо, наконец, 3) отрицают наличие обобщенных значений у грамматических классов или типов (грамматическая категория значения)¹⁷.

Современность или *несовременность* исследования определяются: 1) отношением его автора к категории значения в лексике и грамматике, 2) характером истолкования этой категории с определенных методологических позиций.

Подлинно *современная лингвистика* не может не считаться с традициями мировой науки о языке. Даже в тех случаях, когда *современная лингвистика* казалось бы порывает с этими традициями, защищая новые положения, она и порывает и зависит от подобных традиций одновременно. И в этом нет ничего удивительного. Чтобы сформулировать в науке о языке новое, надо знать старое, надо понимать, как решался аналогичный или сходный вопрос раньше. Вместе с тем и старое нередко приходится освещать с позиций нового. К. Марксу принадлежат замечательные слова о том, что «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»¹⁸. В свете достижений «современной лингвистики» легче понять условия, исторически определявшие подобные достижения.

Нельзя забывать, что в лингвистике, как и в любой другой гуманитарной науке, имеются вечные, никогда не устаревающие истины и положения. К ним относятся прежде всего такие лингвистические аксиомы, как глубоко общественная природа языка, его коммуникативная функция, его связь с мышлением людей, говорящих на данном языке. К ним же относится проблема взаимодействия содержания и формы в языке (в широком смысле). Язык всегда является нашим «практическим, реальным созданием». Разумется, каждая новая эпоха в науке может и должна углублять истолкование этих органических свойств языка, но она не может — к счастью и для самого языка, и для общества — ни «отменить» подобных свойств языка, ни объявить их устаревшими, несовременными. Нельзя забывать и об огромной роли интуиции ученого в такой области знания, как наука о человеческом языке. В подобной науке точные знания в сочетании с интуицией исследователя приобретают большую силу. «Язык человека, — замечает Э. Бенвенист, — настолько глубоко и органически связан с выражением личностных свойств самого человека, что, если лишить язык подобной связи, он едва ли сможет функционировать и называться языком»¹⁹.

Итак, *современная лингвистика* — понятие многоплановое, очень сложное, весьма неоднородное. В современной лингвистике борются разные направления, опирающиеся на разные теоретические концепции языка. В этих концепциях языка нельзя не видеть прямой, а иногда и скрытой, завуалированной борьбы материализма с идеализмом и идеализма с ма-

¹⁷ См. об этом мою статью «Категория значения в разных направлениях современного языкознания», ВЯ, 1974, 4 (особо хочу здесь выделить прилагательное *разный*: в разных направлениях).

¹⁸ К. Маркс, Критике политической экономии, М., 1953, стр. 219.

¹⁹ Э. Бенвенист, Problèmes de linguistique générale, Paris, 1966, стр. 261.

териализмом²⁰. Отдельные направления науки (и у нас, и за рубежом) имеют несомненные достижения. За последние годы исследуется, в частности, более подробно и пристально, чем это делалось раньше, общественная природа языка и его многообразные функции (хотя и с весьма различных методологических позиций). Много нового обнаружено в области фонологии, грамматики, лексики и, особенно, в лексикографии. Неизмеримо расширился и круг изучаемых языков.

И все же *современная лингвистика* остается понятием весьма сложным и в высшей степени неоднородным. Для одних ученых *современная лингвистика* — это языковедение наших дней, развивающее марксистско-ленинские принципы этой науки, другие ученые *современную лингвистику* отождествляют с генеративной грамматикой Н. Хомского и его последователей, третья группа ученых *современную лингвистику* приравнивает к так называемой «лингвистической философии в духе Остина» или «в духе гипотезы Сепира — Уорфа» и т. д. Находятся и лица, для которых *современная лингвистика* — это собрание как можно большего количества математических понятий, формул, схем, а то — увы! — и просто туманных способов выражения мыслей, претендующих на глубокомыслие (все, ясно и бескритично изложенное, представляется подобным специалистам недостаточно научным, а поэтому и недостаточно современным). Весьма различных представлений о том, что такое «современная лингвистика», можно насчитать много.

Разумеется, «современная лингвистика» не может быть эклектическим соединением этих несходных, нередко взаимно исключаящих друг друга концепций. Вместе с тем языковедение наших дней обязано внимательно изучать все действительно новое, подлинно прогрессивное, серьезно обоснованное. Поэтому чисто формальное, а иногда и бездумное противопоставление «современная лингвистика — несовременная лингвистика» должно быть признано несостоятельным²¹.

²⁰ Любопытно, что даже такой ученый, как Э. Кассирер, который любил подчеркивать свою позицию «над партиями», писал еще в 1945 г., что «современная лингвистика характеризуется острой борьбой между материалистами и формалистами» (E. Cassirer, *Structuralism in modern linguistics*, «Word», 1945, 2, стр. 113). См. также его более раннюю книгу: «Philosophie der symbolischen Formen», I, Berlin, 1923, стр. 274—293.

²¹ «Современная семиотика», с которой отдельные ученые все больше сближают лингвистику, тоже многолика. В 1974 г. канадский автор Ж. Натье, большой поклонник семиотики, в обзоре последних работ из этой области поставил такой вопрос: что объединяет семиологов наших дней друг с другом? Сам же Ж. Натье ответил на этот вопрос тоже с помощью вопроса: «не объединяет ли разных семиологов только то, что все они называют себя семиологами?» («Linguistics. An international review», 138, 1974, стр. 124).